

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Юность реального коммунизма. После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева на XX съезде КПСС (1956 год) и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде как о периоде злодейства, как о черном провале в русской истории, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительной линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь права на объективное их понимание.

Рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную есть грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому своему смыслу неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Сталинская эпоха была трагической и страшной эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением и не является преступным обществом, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни казалось с чьей-то точки зрения. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом великой революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, — это значит понять сущность того нового общественного организма, который созрел в ней. Для этого ее надо брать как

нечто единое целое и рассматривать объективно. Но именно это, казалось бы простое и естественное, требование понимания не соблюдается. Во всех сочинениях на эту тему, с которыми мне приходилось иметь дело, обычно выделяется какой-то один аспект исторического процесса, раздувается сверх всякой меры и изображается с тем или иным пристрастием. Целостность и сложность процесса исчезает, получается односторонне ложная его картина. Поверхностное и чисто фактологическое описание скрывает суть эпохи. Все то, что происходило в массе населения, т.е. основной поток истории, вообще не принимается во внимание или затрагивается лишь в ничтожной мере и как нечто второстепенное. Потому сталинизм представляется как всего лишь обман и насилие, тогда как в основе своей он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия среди прочих средств.

Если хотите понять основу сталинизма, проделайте самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением хотя бы один миллион и изучите его хотя бы по таким показателям: численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число и тип репрессированных, передвижения людей, вертикальная динамика населения (карьера) и т. п. Сделать это надо по годам. Вы увидите, что репрессии и другие негативные факторы в то время играли не такую уж огромную роль, какую им теперь приписывают разоблачители. И роль их была в значительной мере не той, как кажется теперь. Вы увидите, что главным в ту эпоху было нечто позитивное, а не негативное. На ту эпоху ведь можно смотреть не только глазами пострадавших, как принято теперь, но и глазами преуспевших, а их было неизмеримо больше, чем первых.

В сталинские годы созревало общество, какое можно было видеть до 1985 года в нашей стране. Во главе этого строительства стояли Сталин и его соратники (сообщники, как теперь говорят с целью их унижения). В чем-то это общество отвечало идеалам строителей, в чем-то нет. Во многом оно формировалось вопреки идеалам. И строители принимали меры, чтобы этих нежелательных явлений не было. Они полагали, будто в их власти не допустить их и в этом отношении сами боролись против создаваемого ими общества. Многие в том, что делалось, можно отнести к

строительным лесам, а не к самому строящемуся зданию. Но леса воспринимались как неотъемлемая часть здания, порой даже как главная. Порой казалось, что здание рухнет без этих лесов. К тому же общество — не дом. Тут не всегда можно различить леса и строящееся с их помощью здание. Так что же во всем этом есть сталинизм — само новое общество, созданное под руководством Сталина, исторические методы его построения, строительные леса, борьба против нежелательных явлений строящегося общества?

А сообщники Сталина — кто это? Кучка партийных руководителей? Аппарат партии и органов государственной безопасности? Нет, не только и не столько это. Общество строили миллионы людей. Они были участниками процесса. Они были помощниками палачей, палачами и жертвами палачей. Они были и объектом и субъектом строительства. Они были и власть, и сфера приложения власти. Создание нового общества означало организацию населения в стандартные коллективы, организацию жизни этих коллективов по образцам, которые впервые изобретались в гигантском массовом процессе путем проб и ошибок. Создание нового общества — воспитание людей, выведение человека, который сам, без подсказки властей и без насилия становился носителем новых общественных отношений. Процесс этот происходил в непрерывной борьбе многочисленных сил и тенденций.

Одной из величайших заслуг сталинской эпохи явилась культурная революция. Новое общество нуждалось в миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. И оно получило возможность удовлетворить эту потребность в первую очередь. Это поразительный феномен: самым доступным для нового общества оказалось то, что было самым труднодоступным для прошлой истории, — образование и культура. Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к достижениям культуры, чем дать им приличное жилье, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был мощной компенсацией за бытовое убожество. Люди переносили такие бытовые трудности, о которых теперь страшно вспоминать, лишь бы получить какое-то образование и приобщиться к культуре. Тяга миллионов людей к этому была настолько сильной, что ее не могла бы остановить никакая сила в мире. Всякая попытка вернуть страну в дореволюционное состояние воспринималась как страшнейшая угроза этому завоеванию революции. Быт играл

при этом роль второстепенную. И казалось, что образование и культура автоматически принесут бытовые улучшения. Для очень многих это происходило на самом деле и создавало иллюзию возможности того же для всех.

Но самым, пожалуй, важным результатом революции, привлечшим на сторону нового строя подавляющее большинство населения страны, было образование коллективов, благодаря которым люди приобщались к публичной социальной жизни и ощутили заботу о себе общества и власти. Тяга людей к коллективной жизни, причем — без хозяев и с активным участием всех, была не слышанной ранее нигде и никогда. Демонстрации и собрания были делом добровольным. На демонстрации ходили целыми семьями. Несмотря ни на что, иллюзия того, что власть в стране принадлежит народу, была всеподавляющей иллюзией тех лет. Явления коллективистской жизни воспринимались как показатель именно народовластия. И это было нечто большее, чем только иллюзия. Народные массы заняли нижние этажи социальной сцены и приняли участие в социальном спектакле не только в качестве зрителей, но и в качестве актеров. Актеры на верхних этажах сцены и на более важных ролях тогда тоже в массе своей выходили из народа. На нижних уровнях сцены разыгрывались в миниатюре все те же спектакли, какие разыгрывались в масштабах всей страны.

Сталинская эпоха была воплощением в жизнь сказки утопии. Но воплощение это произошло в такой форме, что сказка превратилась в объект для насмешки. И не потому, что реальность оказалась хуже сказки — во многом она оказалась гораздо лучше сказки, — а потому, что жизнь пошла совсем в другом, непредвиденном направлении, и сказка утратила смысл.

Коммунистическая утопия создавалась при том условии, что многие существенные факторы человеческой жизни игнорировались, а именно — распадение человечества на расы, нации, племена, страны и другие общности, усложнение хозяйства и культуры, иерархия социальных позиций, изобилие соблазнов, власть, слава, карьера и т.п. Утопия предполагала лишь сравнительно небольшие объединения более или менее однородных индивидов, со скромным бытом и потребностями, с примитивным разделением функций. Утопия создавалась для низших слоев населения и низшего уровня организации общества.

Люди верили в коммунистическую утопию, не подозревая о

гом; что отвлекаются от упомянутых выше факторов. В самом деле; почему бы не жить в мире и дружбе, почему бы не проявлять заботу друг о друге, почему бы не распределять жизненные блага по справедливости, почему бы не вознаграждать людей по заслугам; почему бы не трудиться добросовестно и т. д.?! И если рассуждать абстрактно, т. е. не принимая во внимание факторы, включающие все эти блага и добродетели, все это кажется возможным. Но абстрактная возможность еще не есть возможность реальная. И когда проходили годы, а абстрактные возможности не реализовывались, люди увидели виновных в этом — высшее начальство, социальный строй, сочинителей утопии. А прежде, чем это случилось, прогресс в жизни миллионов людей был настолько значительным, что сталинский период прошел в атмосфере если не веры, то желания верить в утопию.

Для миллионов рабочих и крестьян было благом то, что принесла им революция и новая, коммунистическая, система. Миллионы крестьян переселялись в города, приобщались к образованию и культуре, получали более легкие условия труда. Миллионы простых людей из народа становились мастерами, инженерами, начальниками. Дети рабочих и крестьян в огромном числе получали среднее и высшее образование, становились инженерами, врачами, учителями, профессорами, офицерами, чиновниками, учеными, артистами и т. д.

Сталинская эпоха в основе своей была стремлением миллионов глубоко несчастных людей занять хотя бы малюсенькую крупицу Света. В этом была ее несокрушимая сила и святость. И в этом был ее непреходящий ужас. Она окончилась, как только эти несчастные вылезли из своих трущоб, получили свой кусок хлеба, приобрели унитаазы, о которых раньше не смели и мечтать.